

Предупреждение: упоминание удушения.

Проснувшись утром, Тан Цу включил свой ноутбук и по привычке проверил портал загрузки для авторов.

Из-за разницы во времени обычно он вставал рано, чтобы выложить новую главу. Сегодня ему не нужно было этого делать, однако он все равно загрузил новую главу в черновики. Он перечитал ее в последний раз, поправил два предложения, а затем установил время автоматической загрузки на вечер.

Похоже, что этим утром он не сможет погрузиться в работу. Днем Тан Цу должен был впервые официально встретиться с девушкой своего брата. Согласно обычаю, он, как старший брат, должен был считать себя старшим родственником и приготовить подарок для дамы, чтобы показать, что он ее одобряет. Из-за этой неожиданной задачи Тан Цу пока не выехал из своего гостиничного номера. Он привел себя в порядок, засунул помаду с надписью «Для Пянь Юй» в самый дальний угол своего чемодана и поехал в город на такси.

Единственным удачным моментом было то, что ему не надо было беспокоиться о том, какой подарок купить Линь Лун. Уходя, Тан Цу подумал о том, как вчера ломал голову, придумывая хороший подарок для девушки того же возраста. В горечи нашлась и радость: он не ожидал, что у него появится еще одна возможность использовать ту же идею.

Тан Цу, у которого и правда не было опыта в том, как дарить подарки, планировал пойти в торговый центр и купить еще одну такую же помаду – только на этот раз гравировать имя он не собирался.

Такси медленно въезжало в сердце этого огромного процветающего города. После семи лет скитаний приближалось время возвращения «домой». Некоторые люди, приезжая домой после долгого отсутствия, могут немного нервничать. У Тан Цу же все было совсем наоборот. Он чувствовал себя так, будто все его эмоции ушли глубоко на морское дно. Глядя на старый город, где он родился и вырос, Тан Цу выглядел холодным чужаком. Лицо у него оставалось бесстрастным, а на сердце не было ни радости, ни печали.

Он специально решил не ехать на метро и выбрал наземный транспорт. Слово воссоединяясь со старым другом, он хотел снова увидеть все городские достопримечательности. Но знакомые виды снова резко активировали защитные механизмы в его подсознании. Истинное «я» Тан Цу было похоронено в самом дальнем и глубоком углу его ума, и, к тому же, он усвоил крайне холодные вид и манеры, чтобы запереть его поглубже.

Он верил в то, что только будучи чрезвычайно осторожным, старым душой и запечатав в самого начала свое сердце, он не истечет кровью и не сломается, столкнувшись с самыми сокрушительными ударами.

Тан Цу вошел в оживленный торговый центр, нашел на плане отдел женской косметики и отправился туда. Несмотря на то, что на дворе стояло утро понедельника, популярный

торговый центр вовсе не был безлюдным. И Тан Цу никак не вписывался в эту большую толпу людей.

Сегодня он был одет в тонкое черное пальто с воротником-стойкой, что придавало ему спокойный и торжественный вид. Человек, разбирающийся в брендах, увидев его, понял бы, что это весьма дорогое пальто из прошлогодней весенней коллекции люксовой торговой марки. Тан Цу был высоким, с прямой осанкой и красивым лицом, но выражение этого лица было холодным и безразличным. Казалось, что он существовал вне этого оживленного и шумного места, словно роща бамбука на высокой горе, – неприступный и непреклонный.

Дорогая одежда и холод в глазах напугали продавщицу за прилавком. Она быстро нашла нужную помаду по фотографии, которую он ей показал, даже не осмелившись предложить ему другие продукты, как она делала обычно, и проводила его взглядом, когда он ушел.

Тан Цу увиделся с Линь Лун раньше, чем ожидал.

Они встретились у входа в жилой комплекс вилл, когда время приближалось к обеду. Линь Лун вышла из машины и помахала своему телохранителю, показывая, что ему не нужно за ней идти. Пройдя пункт охраны на входе в комплекс, она сняла огромные солнцезащитные очки, закрывавшие половину ее прекрасного лица, и на пару секунд повернулась к стоявшему там мужчине. Затем она улыбнулась и сказала:

– Здравствуй, Тан Цу дагэ*. [Прим. англ. пер. □□ – еще один способ обращения к старшему брату. В данном случае – весьма вежливая форма обращения.]

Тан Цу не приезжал сюда семь лет, и со времен, когда он был младше, сохранилось не так уж много фотографий. По тому, как быстро Линь Лун его узнала, было ясно, что она подготовилась к встрече заранее – и это означало, что она серьезно воспринимала свои отношения с Тан Ци.

Подумав о матери, которая ждала его дома неподалеку отсюда, Тан Цу не мог сказать, было ли такое серьезное отношение этой девушки к добру или к худу. Он только кивнул головой и сказал:

– Здравствуйте.

– Давно не виделись.

Как мне продолжить разговор, напряженно думал Тан Цу. Они встречались на банкете два или три раза, когда были маленькими. У него осталось только смутное впечатление о детях из семьи Линь, так что вспомнить было нечего. Хотя он специально купил помаду в качестве приветственного подарка, он не предполагал, что встретит девушку своего брата, будучи один.

Так как готов он не был, то припомнил планы разговора, которые не успел использовать вчера.

- Я принес вам подарок, - сухо процитировал он по памяти. - Ничего особенного, просто подарок на встречу.

Он так переволновался, обмениваясь приветствиями с незнакомым человеком, что забыл отдать подарочный пакет. Линь Лун не возражала и сама протянула за ним руку.

- Мне очень нравится этот бренд, - бросив взгляд, улыбнулась она. - Спасибо, дагэ.

- Не за что, - Тан Цу уставился в пол.

- Тан Ци мне всегда говорил, что у его брата в молодости была горькая жизнь, и просил меня всегда уступать тебе, когда мы встречаемся, - Линь Лун пригладила волосы рукой, совершенно не заботясь о том, что только что сдала своего парня с потрохами. - Но до того, как я сюда приехала, мой брат сказал мне, что его домовладелец - очень открытый человек, и что мне не нужно сдерживаться. Я не буду перед тобой притворяться. Тан Цу дагэ, скажи мне, насколько твоя мать меня ненавидит? Тан Ци боится, что я надумаю невесть что, всегда пытается меня утешить и говорит, что он сделает все возможное, чтобы справиться со своей матерью, - насколько я могу судить, он этого не сделал.

Брат, о котором она говорила, был без сомнения, генеральным директором «Lin group» этого поколения и старшим сыном Линь Каншэна, Линь Ланом. Нрав этого молодого господина был непредсказуем. Семейство Линь владело множеством домов в Америке, но он не захотел жить ни в одном из них. Вместо этого он нашел земляка из того же города - с которым даже не был хорошо знаком - и воспользовался отношениями сестры с его братом, чтобы арендовать жилье.

Однажды Линь Лан сказал Тан Цу, что, если бы не отношения Линь Лун и Тан Ци, он бы не смог снять комнату в его доме, и остановился бы в отеле. В то время Тан Цу подумал, что в семействе Линь были какие-то внутренние проблемы, из-за которых старший сын отказался жить в их собственном доме. Но Тан Цу был не из тех, кто любит сплетни. Кроме того, с тех пор, как он покинул Дунлин, прошло много времени, и его больше не волновали подобные проблемы, вот он и не стал расспрашивать. Теперь, если припомнить... в то время Тан Цу на самом деле считал, что «отношения Линь Лун и Тан Ци», о которых упомянул Линь Лан, были обыкновенной дружбой. Да, думать так было слишком наивно.

Эти брат с сестрой были сделаны из одного теста. Они оба были прямолинейными и решительными.

- Прежде всего скажи мне, чтобы я смогла подготовиться, - улыбнувшись, заявила Тан Цу Линь Лун. - Например, вдруг меня начнут ругать, как только я войду, или что-то в этом роде... Честно говоря, у меня через некоторое время назначена важная встреча. У другой стороны что-то запланировано на три, и они могут подождать максимум до двух. Чем раньше я смогу составить план, тем лучше.

В этом вопросе Тан Цу был ей не помощник.

- Извините, мисс Лин, - ответил он. - Я правда не знаю.

- Все нормально, - дружелюбно ответила Линь Лун. - Ты просто зови меня по имени или говори «младшая сестра». В конце концов, я ведь обязательно выйду замуж за Тан Ци.

Тан Цу неловко улыбнулся в ответ, но ничего не сказал и сделал приглашающий жест.

Когда они вдвоем бок о бок шли к резиденции родителей Тан Цу, про себя он подумал: сможет ли Линь Лун без колебаний повторить это после сегодняшней встречи с матерью?

Человеком, который открыл им дверь, оказался Тан Ци. Он собирался выйти, чтобы их встретить, но Тан Цу и Линь Лун пришли раньше, чем он рассчитывал.

Как только Тан Цу увидел лицо Тан Ци, то понял, что ситуация, по-видимому, была еще хуже, чем он ожидал. Линь Лун сделала вид, что ничего не заметила, улыбнулась, словно распутившийся цветок, шагнула вперед и взяла Тан Ци за руку.

- Гэ, - Тан Ци сначала кивнул головой, здороваясь с Тан Цу, а потом обнял Линь Лун.

- Добрый день, дорогая, - мягко сказал он, но улыбаться не стал. - Извини, возможно, сегодня тебе предстоит тяжелая битва. Но я точно буду на твоей стороне, хорошо?

Когда Тан Ци был напряжен и не улыбался, он немного походил на своего брата, Тан Цу.

- Здорово, - радостно сказала Линь Лун, как будто собеседник только что спросил ее: «Хочешь пообедать в итальянском ресторане?»

- Это Тан Цу? - с верхнего этажа раздался женский голос.

- Да, мама. Линь Лун тоже здесь, - громко ответил Тан Ци.

Тан Цу шел вслед за Тан Ци. Спустя столько лет он снова вошел в двери этой роскошной виллы. Странно, но в тот момент, когда он переступил порог, Тан Цу в памяти вернулся на семь лет назад. В последний раз, когда он выходил отсюда, его мать с ненавистью ему пригрозила: «Уедешь за границу - вылечи свою болезнь! А если не вылечишь - никогда больше не возвращайся!»

Поэтому он так сюда и не вернулся.

Трудно было сказать, что почувствовал Тан Цу, снова увидев эту женщину, сидевшую в инвалидном кресле.

Она постарела. Смертельная болезнь истощила ее физически и морально. Сегодня она даже вышла встречать гостей в больничном халате. На лице у нее было полно морщин, и она не стала накладывать никакого макияжа. Если сравнить ее с тем, какой она была в молодости, женщиной, которая считала свою внешность важнее собственной жизни, это оказалось совершенно невообразимо.

Тан Цу думал, что ее вид вызовет множество невыносимых воспоминаний, вроде посиневшего младенца, который еще слабо боролся за свою жизнь, удушающей смирительной рубашки или уведомления о приеме в дунлинский университет, которое было разорвано на клочки и сожжено дотла.

Но этого так и не случилось. Она была такой старой и хрупкой, совсем не похожей на сильного человека из его воспоминаний.

- Дитя мое! - воскликнула мадам* Тан, из глаз у нее потекли слезы. - Мое дитя, ты теперь такой большой, мой сынок!

Она пришла в чрезвычайное волнение, по лицу у нее текли слезы. Сидя в инвалидном кресле, она распахнула руки и жестом указала своему сыну, с которым она воссоединилась после долгой разлуки, ее обнять.

Тан Цу остался стоять на месте и спокойно сказал:

- Здравствуйте.

[Прим. англ. пер. 爸爸(Táng mǔ), 妈妈(Táng fù) - обращения к родителям. Буквально это можно перевести как «Отец Тан» и «Мать Тан».]